

«**Г**амазкова Инна — Гамазкова Ина Липовна (15 февраля 1945, Омск — 15 мая 2020, Москва) — советская и российская детская писательница и поэтесса, журналистка и сценаристка. В 2013 г. удостоена премии им. К. Чуковского в номинации «За плодотворную деятельность, стимулирующую интерес детей к чтению». Так я начала статью об Ине, намереваясь кратко, в научном стиле изложить её биографию и разместить в Википедии. Потому что книги, написанные Иной, известны многим, а её биография — нет. И, пока она не превратилась в миф, пока есть возможность уточнить факты по документам, почему бы не... Но работа вышла из-под контроля, текст сам собой стал увеличиваться и в итоге нарушил все энциклопедические «правила приличия». Остаётся только смириться с этим и — «Ах, осторожно! Ах, под откос!» — как у Ины в стихотворении, — пуститься во все тяжкие.

Итак, биография. По-моему, сказочное имя Ина с самого начала определило Гамазкову в детскую

литературу, просто «ботаническое» отчество Липовна повело её туда окольным путём, через биологию и химию. Потому, когда мы подружились, Ина трудилась в лаборатории, где разрабатывали всякие полезные в быту препараты, а под ногами у сотрудников путался ёж, перешедший ради кормёжки на дневной образ жизни. Только не подумайте, что Ина — это неправильно написанное имя Инна.

1. Пропавшая буква

Родители, Анна Давыдовна Бердичевская и Липа Маркович Шварц, познакомились в довоенном Ленинграде, а поженились в Омске, в эвакуации. Дочь они решили назвать Диной, в честь одной из бабушек. Но в процессе выписывания метрики первая буква имени загадочным образом потерялась. Так девочка стала Иной, и мама с папой вскоре увезли её обратно в Ленинград, а «Д» навсегда осталась в Омске. Родители не стали возвращать на место пропавшую букву, возможно, потому, что им уже приходилось иметь дело с выпадением букв из имени. Полное имя Липы Марковича было — Липман. Но чиновница, которая выдавала ему паспорт, решила: оно звучит как фамилия, и своей властью

сократила имя до уменьшительного варианта.

Вслед за буквой «Д» выпало и детство. Из-за туберкулёза позвоночника Ина все годы, когда дети играют и знакомятся с миром, лечилась. Медучреждений, где лечили это заболевание, было всего два, ближайшее к Ленинграду — в Подмосковье. Ради него семья перебралась в Москву. А чтобы лечение шло успешно, надо лежать неподвижно пять лет. С двух до семи. Врачей «Костно-туберкулёзного санатория для детей раннего возраста» смущало необычное имя. И в медицинской карте они норовили прибавлять вторую «н», предвосхищая Инин «литературный псевдоним»...

Потом пришлось заново учиться ходить, а в «настоящую» в школу поступать не с первого класса, как все,

а с третьего. Не только врачи в санатории — другие дети тоже не верили, что бывают сказочные имена. «Какая ещё Ина! — говорили они, когда знакомились. — Нинка, небось?»

Уже в зрелом возрасте Ина подготовила к печати небольшой сборник рассказов для взрослых, который назвала: «Не такая». Но в зрелом-то возрасте легко так называть сборники и чувствовать себя неповторимой. А в школе быть «не как все» — неуютно. И человеку, который растёт с ощущением, что он «не такой», с книжками дружить проще, чем с людьми. Это с одной стороны. А с другой, хотелось помогать родителям. Ведь они пять лет каждую неделю, в единственный выходной приезжали к ней на станцию «Подсолнечная». Значит, надо поскорее получать профессию и идти работать. Так после школы был выбран Библиотечный техникум.

Техникум — это быстро, три года, а не пять, как в институте. А книги — надёжно. Ведь если книга издана, ни одна буква из неё уж точно не выпадет.

2. «Сатурн» почти не виден»

В Московский библиотечный техникум Ина поступила в 1961 г. Основанный в 1940-м, по форме он был учебным заведением, а по духу — потомком Царскосельского лицея пушкинских времён. Преподаватели вдохновенны, уровень культуры высок, почтение к книге велико, атмосфера вольнолюбива. Студенческий театр ставил пьесы, не задумываясь

о цензуре. Например, «Дракона» Евгения Шварца, которого к тому времени уже запретили в первый раз (в 1944 г.), а в дальнейшем запретили и во второй — в 1962 г., после другой постановки, профессиональной, в ленинградском театре. На заседания книжного клуба, который назывался «Лоцманы книжных морей» — «ЛКМ», приезжали писатели. Поэтому через три года, в 1964-м, Ина начала трудовую биографию не просто в библиотеке № 147, но — «лоцманом книжных морей». Теперь вокруг были книги — пока ещё чужие. И читатели — пока ещё взрослые. Читатели жаждали книжек, но нетвёрдо помнили, какие нужны. Только «лоцман книжных морей» мог понять, чего хочет человек, который по ту сторону библиотечной стойки произносит слова: «Граф Мотоцикливо», «Отцы и овцы», «Туалет одиночества»... Только он мог

сообразить, что под фамилией Пока Чего скрывается Боккаччо. Или что «Свинья без сардель» — не труд по животноводству и не инструкция мясокомбинату, а роман Филиппа Эриа «Семья Буссардель».

В 1963 г., за год до того, как Ина стала библиотекарем, вышел роман Василия Ардаматского «"Сатурн" почти не виден» — о работе советских разведчиков в годы Отечественной войны. Люди с энтузиазмом шли за ним в библиотеку, но, как оказалось, в названии лучше всего запомнилось слово «почти». Остальные слова читатели подменяли другими, зашифровывая название книги так, что не всякий разведчик взялся бы за расшифровку. Ина же отмечала про себя эту ситуацию и смаковала варианты — особенно самый удивительный: «Венере почти не стыдно». И не надо быть разведчиком, чтобы догадаться: это заявил о себе писа-

тель, который, как «Сатурн» у Ардаматского, был тогда почти не виден.

3. Бытовая химия

И в те года Ина писала стихи — любительские и шуточные. Сочиняла к праздникам или переделывала популярные песни. Например, так:

Широка постель моя родная
Много в ней подушек, простыней,
И другой постели я не знаю.
Чтоб так сладко спать было мне в ней!
Но сурово брови мы насупим,
Если кто залезет к нам в кровать,
Мы кроватку нашу очень любим,
Но другим не позволяем спать!

Продолжая работать в библиотеке и сочинять, Ина поступила в Областной педагогический институт им. Крупской. Однако выбрала не литературу и русский язык, как можно было ожидать от «лоцмана

книжных морей», а биологию и химию. Более того, в 1971 г., когда Ина получила диплом учителя биологии и химии в средней школе, и библиотека осталась в прошлом, Ина уже год как была лаборанткой в одной из лабораторий ВНИИхимпроекта — организации, которая занималась бытовой химией. Может показаться: это шаг в сторону от книг — но это был шаг к ним. В 1970 г. она вышла замуж за Константина Александровича Гамазкова — историка, япониста, кандидата наук. Он тоже писал стихи. И, согласно семейному преданию, в первую по счёту литературную студию Ину привёл он.

Э-э... Я вообще-то помню Инин рассказ о том, как покупалась мужу одежда. Сначала Ина одна обходила магазины, присматривала вещь. Потом уже вдвоём с мужем они как бы мимоходом заворачивали в нужную торговую точку, и — о чудо! — там сразу находилось то, что нужно. Ина спрашивала: «Может, ещё что-нибудь примеришь?» «Зачем? Это же подошло!» Эту тактику она применяла все, без малого, 12 лет брака. Так что для меня вопрос, кто кого привёл, остаётся открытым.

Впоследствии литературных студий в «писательском» образовании Ина насчитывала пять, перечисляя их в хронологической последовательности:

1. студия под руководством В. Кожинова при «Трёхгорной мануфактуре»;

2. студия «Обелиск» при МВД под руководством Л. Виноградова;

3. литературный семинар под ру-

ководством Я. Акима и Ю. Сотника при Союзе писателей;

4. литературный семинар под руководством С. Иванова и Ю. Кушака — тоже при Союзе писателей — Ина там была старостой;

5. литературный семинар под руководством Ю. Ковалея при редакции журнала «Мурзилка».

В литературной студии волей-неволей приходится иметь дело с критикой. Она конечно же задевает чувства поэта, а чувства — предмет поэзии. Так появились стихи о критике, исчерпывающие тему:

Ругательная рецензия

Я в стихи вложила чувство,
Жажду славы и похвал.
Свято место стало пусто —
Критик раскритиковал!
В смысле рифмы — бедновато,
В смысле мысли — ерунда!
Ритм сломался и куда-то
Он уехал не туда.
Все сравненья как-то кислы,
Все метафоры — пресны...
Да, вообще-то,

в высшем смысле,

И стихи-то не нужны.
Не терзай свою натуру,
Перестань сходить с ума!
Сдай стихи в макулатуру
И пойдешь, купи Дюма!

Хвалебная рецензия

Прочитав стихотворенье,
Вник я в ваше естество.
Вот вам самовыраженье
Самомненья моего.

В самобытных ваших строчках
Есть волнительный накал.
В запятых, тире и точках —
Словно гений ночевал.
Сколько здесь самоотдачи!
Здесь талант течёт рекой...
Я смутился, слёз не пряча,
И воскликнул: «Сам такой!»

С ролью критика дело обстояло проще. Ина обладала качеством, которое называла «инстинктом улучшательства». И, поскольку на литературном семинаре, как правило, есть, что улучшать, применение ему находилось. Что думали о нём коллеги, о том пусть рассказывают сами, а друзья им, естественно, пользовались (это я и о себе тоже). И оно пригодилось Ине, когда она стала редактором — потом. А пока, в конце 70-х годов — кажется, то была «эпоха второй студии», — Ина начала печататься — на последней полосе «Литературной газеты», в рубрике «12 строк» — как юморист. Не могу

не привести пример её тогдашнего творчества:

Хлеб свежий?

- Девушка, хлеб свежий?
— Свежий! — и улыбка, как нас учили.
— Хлеб свежий?
— Свежий! — и улыбка.
— Девушка, хлеб свежий?
— Свежий! — и улыбка!
— Хлеб свежий?
— Свежий.
— Хлеб свежий?
— Свежий!
— Девушка, хлеб свежий?
— Свежий!!!
— Девушка, почему вы мне грубите? Я только спросил: «Хлеб свежий?»
— А я вам ответила: «Свежий!!!»
Нет, так нельзя. Написала большими буквами «Хлеб свежий», повесила на видном месте.
— Девушка, хлеб свежий?
Показываю.
— Хлеб свежий?
Показываю.
— Девушка, я вас спрашиваю!..
В перерыв сбежала домой, принесла магнитофон. Красота! Чеки проверяю, хлеб отпускаю. А из магнитофона:
— Хлеб свежий!.. Хлеб свежий!.. Хлеб свежий!..
— Девушка, это магнитофон?
— Девушка, это у вас что, магнитофон?
— Девушка, это у вас какой магнитофон?

Но три последние студии из пере-

численных пяти были ориентированы на детскую литературу. И первая книжка — «Это я говорю!» — вышла в издательстве «Малыш» в 1990 г., в «эпоху четвёртой студии». Спрашивается, зачем ей столько? Ну, две студии — ладно, пусть три, но пять? Уже к четвёртой Ина была сложившейся писательницей с хорошим профессиональным уровнем. Потому что «век живи, век учись»? Мой вариант ответа таков: Ина принадлежала к той редкой разновидности авторов, которым лучше думается «за компанию». Обмен идеями каким-то образом включал её собственные творческие ресурсы, и чем меньше она общалась, тем хуже ей работалось. Именно в студийные годы Ина сочинила почти все детские стихи и загадки и все взрослые рассказы, которые отдельной книжкой ещё не вышли. Когда-нибудь литературоведы напишут: «Творчество И. Гамазковой продолжает традиции игровой поэзии (начатые К. И. Чуковским, С. Я. Маршаком и ОБЭРИУ) с её неожиданным взглядом на вещи и словесным озорством». Не буду отбирать у них хлеб, но, раз эту статью всё равно не возьмут в Википедию, приведу любимые образцы того и другого — не из детских книжек Ины, а из её архива:

Я, когда стою, то в высоту
Сто пятьдесят девять сантиметров.
А когда прилягу, то в длину
Сто пятьдесят девять сантиметров.
В этом есть высокий смысл и связь,
Здесь печаль, но здесь же и отрада:

Если я в длину не удалась,
То зато я в высоту — что надо!

Опэ́ршись на сэкрэтэр,
Мэкинтош примэрил мэ́р.
«Мэ́рзкий цвэ́т», — замэтил мэ́р,
Снял, замэ́рзнул и помэ́р,
Потому что в мэ́рии
дуло из-под двэ́рии.
Привэ́рэда этот мэ́р,
Нэ́ бэри с него́ примэ́р!

Между тем работа во ВНИИхим-проекте шла своим чередом. Ина ходила «на ДНД» (дежурства в Народной дружине, за которые давали отгулы), получила удостоверение ветерана труда, стала автором шести патентных заявок, выросла по службе. В «эпоху пятой литературной студии» она рассталась с институтом, оставив должность старшего научного сотрудника Отдела инсектицидных и репеллентных препаратов. А после завершения этой, последней по счёту, «эпохи» Ина вступила в Союз писателей (1996 г.). Так что бытовая химия литературе не вредна. Может, даже и полезна. Сказал же Ломоносов: «Широко простирает химия руки свои в дела человеческие».

4. «Жили-были»

В 1993 г. Ина сменила место работы. Перемена была ожидаемой, но поворот — крутым: вместо ВНИИхимпроекта — редакция детской сказочной газеты «Жили-были». Первый номер газеты вышел в ян-

варе 1993 г. Редколлегия «Жили-были», согласно концепции создателей, состояла из сказочных героев: Винни-Пуха, Карлсона, капитана Врунгеля, Незнайки. Буратино «отвечал» за страшилки, Золушка «давала» полезные советы; Кот Учёный — сказочный главный редактор — подписывал редакционные статьи: «Ваш Кот У.». А на последней странице, внизу, рядом с выходными данными («Подписано в печать 05.11.93. Тираж 79 400 экз.» и т.д.) мелким шрифтом значилось: «Коту Учёному и его команде помогали тётки и дяди...» Не в первых номерах, но в первый год жизни газеты в этом списке появилась Инна Гамазкова — под литературным псевдонимом. Остальные «тётки и дяди» помогали Коту Учёному под уменьшительными именами: Наташа Соломко, Коля Машовец, Толя Елисеев...

Газета была литературной. Во вкладышах печатались даже целые повести — так, чтобы при желании можно было разрезать страницы и собрать карманного формата книжку. На дешёвой газетной бумаге, но с цветными рисунками, заказанными художникам, которые считаются сейчас классиками книжной иллюстрации. Стихи, сказки народов мира и авторские, тексты, присланные читателями, немного «научпопа». В редакционных статьях рассказывалось о художниках и писателях. Для полноты погружения в мир сказок публиковались сказочные объявления: «Ищу друга по переписке! Увлекаюсь танцами. Собираю календарики и перья золотых петушков. Шамахан-

ская царица». Часть материалов поступала в редакцию в готовом виде, часть надо было заказывать, а часть Ина писала сама. Некоторые «страшные» истории, сочинённые за Буратино, она потом включила в сборник «Говорящая занавеска» (М., Дрофа, 2001). Сказочный «научпоп» и подборка сказок народов мира вошли в книгу «Музей Бабы-яги, или Сказочная энциклопедия Кота Учёного» (М., Белый город, 2013).

Состав помощников и помощниц Кота Учёного с годами менялся и сокращался. Менялся и внешний вид газеты: к 2001 г. — окончанию своей славной истории — она уже больше походила на журнал. Самым постоянным в ней оказалось присутствие Ины, которая в последний период жизни газеты целиком отвечала за её содержание, перевоплощаясь то в Буратино, то в Мальвину, то — конечно же — в Кота Учёного. Возможно, всё дело в сказочном имени Ина. Симбиоз.

5. «Изверги»

«Я задумала слово на букву...«д».
Задавайте вопросы!

Это не место, где мы живём?

— Нет, это не «дом».

— Это не глупый человек?

— Нет, это не «дурак».

— Это не один из членов семьи?

— Нет, это не «дедушка».

Считаем до 10, не отгадали, назовите следующую букву этого слова на «д»! Ра-аз, два...

Умение выразить мысль точно, красиво, понятно, в разговоре и в

письме, необходимо каждому. Вот мы и собираемся, играем во всякие игры со словами и в результате увеличиваем словарный запас. Представьте себе, большинство слов, которые мы знаем, мы совсем не используем. Они у нас в голове где-то там хранятся, «на чердаке» или «в чулане». А чем больше слов человек употребляет, тем речь его интереснее, умнее. А ещё мы сочиняем разные истории, перевоплощаемся то в графа, то в герцога, то в чайную чашку или в вазу, а случалось и кроссовками быть, и сапогом. Не так давно наших мам украли рэкетеры, и мы сочиняли письмо, где мама, вроде бы прося денег на выкуп, на самом деле подсказывала осторожно, намёком, как её найти. Вот что мы изображаем с ребятами на нашем литературном субботнем кружке».

Это предисловие Инны Гамазковой к публикации произведений её

воспитанников в журнале «Мурзилка» (№ 6 за 1995 год). Здесь она представляет результат применения авторской — и эффективной — методики литературных занятий с детьми. Ину пригласили было вести такие занятия в Доме детского творчества на Измайловском валу, и желающих набрался едва ли не целый класс. Но идеи с трудом вписывались в отчёты. И в результате вместо класса в Доме детского творчества получился кружок, который Ина около трёх лет вела дома у подруги и коллеги по литературному семинару Ковалёва... Ладно, чего темнить — у меня. В 1993 г. — в начале — её ученикам было по 8–9 лет. За буйное поведение Ина ласково звала их «извергами».

Сами о себе они написали следующий летописный текст: «В лето 1993 от Р.Х. вразумил Господь писательницу Инну Липовну Гамазкову

основать литературную студию для детей. И собрались юные дарования, и стала им Инна Липовна давать задания. «Напишите мне, изверги, рассказ про рыбку золотую с чёрною полоской посредине, да про то, как литературный герой любимый ваш летать научился!» Поведения юные дарования были ужасающего, за что и прозвала их Инна Липовна извергами. И стали они сочинять кроссворды, рассказы, стихи, сказки, песни. И продолжают сочинять до сих пор. И не может Инна Липовна на юные дарования нарадоваться, но по привычке называет их извергами».

«Изверги» собирались каждую субботу (кроме каникул) человек по шесть — восемь. Они соревновались, кто больше добудет коротких слов из длинных, вроде «ретроспективный», или «сертификат», или «афористичный». Играли в игру «Дело было совсем не так!» (Ина рассказывала или читала короткую историю, после чего надо было сказать: «Нет, дело было совсем не так!» и придумать другой поворот сюжета.) И, разумеется, читали своё. Например, этот, сложенный в честь Ины, акrostих:

Идём, идём сейчас мы на кружок!
На радостях мы делаем прыжок!
Нам нравится стоять на голове,
А любим мы участвовать в игре.

Их родители тем временем пили чай на кухне и прислушивались к хохоту, доносившемуся из комнаты. В конце 1990-х Ина возобновила

преподавание, но в другом качестве. Некоторое время она вела курс детской литературы (который полностью разработала, потому что ничего похожего ещё не было) на Высших женских курсах им. П. Флоренского. Но новых учеников извергами уже не называла.

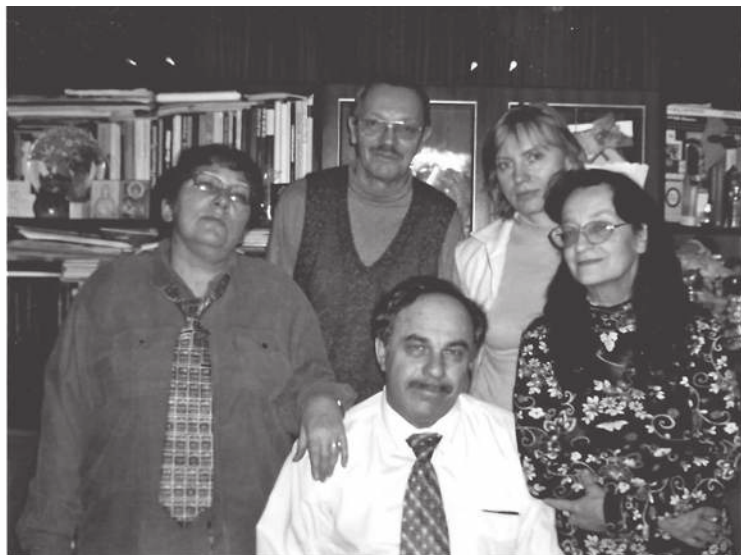
6. «Я — старшая сестра!»

Педагогическая деятельность началась не на пустом месте. За много лет до литературного кружка, когда Ина была ещё студенткой, её младший брат Марк решил сочинить стихи «на злобу дня». Сидя ночью на кухне, как настоящий будущий поэт, он написал:

Зачем же парни из Штатов Америки
Убивают таких же парней
из Вьетнама?

Поставив вопрос, автор стал искать ответ, но не нашёл. Пришлось идти спать, чтобы, по крайней мере, восстановить силы, затраченные на поиски. И, в идеале, не проспять школу. Сил не хватило даже на то, чтобы унести с кухни листок с начатым стихотворением. Утром на листке обнаружилось продолжение, написанное рукой старшей сестры:

Затем, чтобы Марик в своём
СССРике
Спокойно дописывал драму!
Зачем же он пишет её, несчастную?
Ну, это задача простая:
Стихи и для умных голов опасны,
А у него... (пустая).

Так что ответа насчёт Вьетнама
Не жди, дорогой читатель!
У автора тоже тяжёлая драма:
Он на Вьетнаме... (спятил).

До книжки «Доскажи словечко» было ещё далеко. Однако с того дня младший брат стал для Ины не просто предметом сестринской заботы, но — отдельно растущим «литературным деревцем», которое надо было подкармливать критикой. На четвёртый литературный семинар (Иванова и Кушака) она привела его с собой. На пятый (Коваля) они пришли вместе. В 1995 г. Марк окончил Литературный институт. А за год до этого вышла их с сестрой первая совместная книжка — «Врунгель во льду и в пустыне».

Вступление в 1997 г. детского поэта Марка Шварца в Московскую городскую организацию Союза писателей России было не только фактом

его личной биографии, но и кульминацией Ининой сестринско-педагогической деятельности. И вполне логично, что в книжку брата и сестры «Во! семья», которая вышла в 2013 г. в издательстве «Детская литература», включено стихотворение И. Гамзковой «Старшая сестра»:

Он лучше кукол — он живой!
Он вертит головой
И мне кричит: «Ya! Ya!»
А я ему: «Ура! Ура!»
Я — старшая сестра!

7. Воробьёвы горы

В 2003 г., через десять лет после первой, неудачной попытки Дом детского творчества всё-таки «прописался» в Ининой жизни. Только был он уже другим — во всех отношениях круче. Теперь он называл-

ся Дворцом детского творчества на Воробьёвых горах. Возможно, это сказочным образом материализовалась «птичка» — Инино любимое ласковое обращение: «Ты — птичка!» — могла она сказать вместо «спасибо». Во Дворце детского творчества Ина работала официально, в должности педагога-организатора. Но организовывать должна была себя, потому что писала сценарии к детским праздникам. Вот, например, гамазковский вариант сказки про репку. Текст, по сценарию, произносит Клоун, но с Ининой интонацией: «Понимаете, сперва-то она была маленькая репулечка, такая репушечка. Потом росла-росла и стала репища, такая репушища!» Но вообще, с началом XXI века «Воробьёвых гор» в Ининой жизни образовалось несколько, и располагались они в разных местах, не только на юго-западе Москвы. Скажем, отдельными «горами» могут считаться два театра: Московский Областной театр кукол и театр детской книги «Волшебная лампа» — главная «гора» из этих двух.

Ине не довелось играть роли, хотя она была не против: говорила: если бы её пригласили в массовку, то не отказалась бы. При этом выступала она много — перед детьми, как детская писательница. И успешно, я сама видела.

— Если знаний полна голова, — начинала она загадку-обманку, —

Значит, в школе получишь ты...

— ДВА! — радостно обманывались дети.

— Не умеешь читать и считать, Значит, в школе получишь ты...

— ПЯТЬ! — вопили в зале.

Двоечников эта загадка должна была особенно вдохновлять. Особенно много Ина выступала в двух театрах: перед спектаклями представляла свои книжки, а потом, естественно, их подписывала. Будучи автором шести патентных заявок, Ина и к этому процессу подошла изобретательно: читатель мог выбрать ручку, которой она ему подпишет книжку. А ручки она запасала «с изюминкой», потому что любила всё оригинальное: внутри что-то должно было двигаться или загораться, либо снаружи должно было быть забавное украшение, типа перьев или игрушки. Ина выискивала ручки в магазинах, привозила из путешествий; друзья тоже озаботились «ручным» вопросом.

И, в конце концов, собралась кол- лекция. Но всё-таки самой высокой Ининой «Воробьёвой горой» — «Во- робьёвым эверестом» тех лет стала премия им. К. И. Чуковского. Ди- плом висел у Ины дома на «главной стенке», как сказали бы художники, участвующие в выставках. А с этой вершины тропинка ведёт прямым ко к ещё одной «Воробьёвой горе» — в Ружейном переулке. Там находит- ся детская библиотека им. А. Гайда- ра — «Гайдаровка», где собирает- ся Клуб детских писателей. Это не редкость — сюжеты в истории по- вторяются, в личной тоже, на новых витках жизни. В 60-х был клуб «Лоц- маны книжных морей», в нулевых — тоже клуб, только уже не лоцманов, а капитанов. В последнюю среду каждого месяца (кроме, разумеет- ся, лета) Ина шла в «Гайдаровку», и это было — «святое». И дело не ли- тературной критике — не в том, что «инстинкт улучшения» должен приносить пользу, дело, конечно, в сообществе...

Кстати, о критике: как там у меня со «статистикой»?.. Половина автор- ского листа! Боже! Торможу. Спра- шиваю себя, что сказала бы Ина, если бы прочитала каким-то обра- зом эту статью? Слышу: «Наталья, птичка, мне так неловко, что ты на меня время тратишь!» А как насчёт «дело было совсем не так»?.. Вот чего не надо было читать Ине, так это незаконченных текстов. Пото- му что тогда у неё разыгрывалась фантазия, и сюжет уходил далеко-о от авторского замысла — Ининым маршрутом. А как тут закончишь!

Как написал один из Ининых уче- ников: «Я рассказал вам только четвертину!» Да и мне ли заканчи- вать? Зря, что ли, сказал кто-то из тех, Кто Есть в Википедии: «Смерть великого человека — это веха в его биографии»...

Инины книги:

Это я говорю! М.: Малыш, 1990.

Врунгель во льду и в пустыне (с Марком Шварцем). М.: Кристина и Ко, 1994.

Азбука в загадках. М.: Век 2, 1995

Про мальчишек, про девчонок. М.: Дрофа, 1997.

Новогоднее волшебство. М.: Сло- во/Slovo, 1999.

Азбука. М.: Оникс, 2000, 2006, 2010, 2018.

Английский для лентяев. М., 2000.

Что мы говорим, когда говорим. М.: Слово/Slovo, 2000.

Кто летает? М.: Детская литерату- ра, 2000.

Говорящая занавеска (с Марком Шварцем). М.: Дрофа, 2002.

Сказки про нашего президента (с Сергеем Седовым). М.: Русская семья, 2004.

Море (с Марком Шварцем). М.: Стрекоза, 2004.

Кто в море живёт? М.: Стреко- за-пресс, 2005, 2006.

У кого какие мамы. М.: Стреко- за-пресс, 2006, 2007.

Бабочки, жуки и стрекозы. М.: Дрофа плюс, 2006.

Животные дальних стран. М.: Дрофа плюс, 2006.

Подводный мир (с Марком Швар- цем). М.: Стрекоза-пресс, 2006.

Животные-рекордсмены. М.: Стрекоза-пресс, 2006.

Сказка о художнике и волшебном кораблике. Боголюбов. М.: Белый город, 2006.

Сказка о влюблённом художнике. Константин Юон. М.: Белый город, 2006.

Сказка о художнике и полководце. Алексей и Павел Корины. М.: Белый город, 2006.

Азбука в загадках и обманках. М.: Дрофа плюс, 2007.

Топотушки. М.: Стрекоза-пресс, 2007.

Комнатные растения. М.: Дрофа плюс, 2007.

Доисторические животные. М.: Дрофа плюс, 2007.

Замечательные родители и их удивительные детёныши. М.: Белый город, 2008.

У кого какие мамы. М.: Стрекоза, 2008.

Почитай-ка, посчитай-ка (с Марком Шварцем), Тула: Родничок, 2008.

Животные: Кто самый-самый? М.: Белый город, 2008.

Гнёзда, норки, домики. М.: Белый город, 2009.

Животные: помощники и друзья. М.: Белый город, 2010.

Музей Бабы Яги, или сказочная энциклопедия Кота Учёного. М.: Воскресный день, 2013.

Загадки-обманки. М.: Дрофа, 2013.

Доскажи словечко. М.: Дрофа, 2013.

Во! Семья (с Марком Шварцем). М.: Детская литература, 2013.

Приключения принцессы-рыбки. М.: Издательский дом Марины Сергеевой, 2015.

А это периодические издания, в которых публиковались произведения И. Гамазковой:

«Литературная газета», «Трамвай», «Маленькая тележка», «Мурзилка», «Куча мала», «Жили-были», «Фонтан», «Аз, буки, веди», «Колобок», «Учительская газета», «Семейное чтение», «Детский сад», «Домашний очаг», «Читайка», «Кукумбер», «Я большой», «Дошкольное образование», «Школьный вестник», «Юность», «Сельский механизатор», «Пионер», «МК», «Улица Сезам», «Колобок и 2 жирафа» и др.